

«САБАНТУЙ»

УВЕРЕННЫМ продвижением к новым, более высоким рубежам ознаменовано симфоническое творчество композиторов Татарии последних лет. Видное место в сложном и трудоемком процессе становления самобытного татарского симфонизма, принадлежит творчеству Назиба Жиганова, автора симфонических поэм «Кырлай» и «Нафиса», Сюиты на татарские темы, «Симфонических новелл», «Симфонических песен» и двух симфоний, одна из которых ныне удостоена Государственной премии СССР.

Тридцать с лишним лет отделяют 2-ю симфонию «Сабантуй» (так называется народный весенний праздник, буквально — праздник сохи) от ее предшественницы — 1-й симфонии, написанной Жигановым еще в годы учебы в Московской консерватории и исполненной в 1938 году в первом симфоническом концерте, посвященном открытию Татарской государственной филармонии имени Г. Тукая. Велик временной разрыв между этими произведениями. Однако объясняется это отнюдь не отсутствием или снижением интереса к симфонической музыке (наоборот, симфонические замыслы постоянно влекли к себе композитора), а переклещением энергии в иные творческие сферы и прежде всего — на решение сложнейших проблем национального оперного искусства.

Названная именем национального народного праздника, с древних времен символизирующего поклонение земле, солнцу, труду, празднества, награждающего всех, кто в трудных состязаниях проявил отвагу, мужество и силу, симфония «Сабантуй» также обращена к широкому эпическому замыслу. Несомненно, на первый взгляд, иллюстрация праздничных забав и веселья влечет к себе композитора; в орбите его внимания, словно запечатленное зоркой кинокамерой — само течение народной жизни.

Как в бурном жизненном потоке одна коллизия внезапно сменяет другую или, сопутствуя друг другу, они рождают глубокие противоречия, так и здесь в мгновение лирически одухотворенного слияния человека с природой вторгаются то звонкий праздничный призыв, то сумрачное напоминание о былых или еще предстоящих испытаниях, то вовлекающие в свой неудержимый вихрь картины массового созидательного действия.

Это неуядаемое в композиторе острое и радостное ощущение жизни и продиктовало весьма динамичную композиционно-образную структуру произведения. Здесь налицо все признаки четырехчастного цикла. Грани частей четко обозначены их названиями и нумерацией. Однако исполняемые без

ту жизни (2-я часть); проникновенная, насыщенная высокими взлетами лирического чувства песнь любви (3-я часть), и, наконец, ликующий, полный бьющей через край энергии, молодежный вальс, темой для которого послужила современная народная песня «Яшьлек» («Молодость»).

Лауреат Государственной премии СССР композитор Назиб Жиганов.

перерыва и открытые естественно вытекающими из развития взаимопереходами, они, подобно киноленте, разделенной на части, но демонстрируемой без перерыва, сливаются в единую, непрерывно развивающуюся одночастную композицию.

При этом опорным в структурно-смысловом отношении, естественно, остаются четыре основных тематически разнохарактерных, контрастно сопоставленных эпизода - кадр а: поэтический лирический гимн природе с красивой, распетой в духе протяжных народных песен флейтовой темой (1-я часть); стремительный и энергичный, как неумный такмак, гимн нескончаемому круговоро-

Однако эти яркие в своей жанровой характерности эпизоды могли бы остаться разрозненными и не зависимыми друг от друга, если бы они не были спаяны симфоническим взаимодействием с двумя темами вступления, открывающего симфонию звенящим сигнальным призывом к празднеству и резко сопоставленным с ним тягеловесным величаво-сумрачным унисоном басов, в котором угадывается образно трансформированный начальный интонационный оборот народной песни «Сабантуй».

Помимо того, что эти две темы вступления различными своими элементами непрерывно создают психологически кон-

трастный лирическим и жанрово-бытовым эпизодам эмоционально-образный план симфонии, они играют первенствующую роль в динамичных эпизодах вторжения (например, на грани 1-й и 2-й частей) и особенно в разработочных разделах. Последние естественно возникают между 2-й и 3-й частями, а затем между финальным аллегро и возвращением к концентрически замыкающим симфонию лирико-пасторальной теме 1-й части и сигнально-праздничной теме вступления.

Эти-то разделы симфонии и образуют ее важнейшие драматургические узлы, полные взрывчатой энергии и противоборства. Именно так воспринимаются моменты контрастно-контрапунктического развития тем в первом разработочном разделе, когда на тревожном фоне басов возникает величаво-призывное звучание начального мотива лирико-пасторальной темы 1-й части, а затем трезвучный возглас праздничной темы вступления в сочетании с мелькающими у флейты и скрипок начальными мотивами такмака. Еще большее напряжение достигается в главной кульминации симфонии, когда на фоне тревожно звучащих басов проносится калейдоскоп контрапунктирующих друг другу видоизмененных элементов лирических тем, такмака, праздничной и величаво-унисонной тем вступления, пока весь этот стремительный поток не обрывается предельным по громкости аккордом всего оркестра и громовым ударом литавр.

И когда, словно яркий луч солнца, освещающий умиротворенную после грозы природу, вновь возникает певучая, свободно льющаяся в своих прихотливых мелодических изгибах лирико-пасторальная тема симфонии, хочется расправить плечи и полной грудью вдыхать аромат родной природы, наслаждаться ее красотой...

Празднично-ликующим зовом к новым свершениям завершается небольшое по масштабам, но полное света, радости и жизнелюбия симфоническое полотно.

Несомненно, определяющим для симфонии «Сабантуй» остается опора на уже завоеванный опыт симфонического преломления самобытных народно-жанровых и иных своеобразных свойств татарского пентатонического мелоса. Однако претворение уже испытанных приемов и средств, образованных, кстати, свою новую, плодотворную для татарской музыки творческую традицию, не сводится лишь к механическому копированию; оно направлено на их обновление и развитие.

Особенно интересны, на наш взгляд, открытые здесь новые возможности столь характерной для Жиганова взаимосвязи оперной и симфонической драматургии. Показательна в этом плане, например, 3-я часть симфонии, близкая по своему полифоническому складу к инструментально-трактованному лирико-драматическому оперному ансамблю. Не менее примечательны также широко претворенные в симфонии оперных сцен длительно выдержанные: оstinатно-органичные построения нагнетательно-динамического значения, а также типичное для музыкально-драматургического мышления композитора последовательное взаимодействие контрастных в эмоционально-психологическом отношении образно-тематических сфер: именно такое их взаимодействие вызывает активный разворот многослойной музыкальной ткани.

Проникнутая живым ощущением современности, опирающаяся на глубокую взаимосвязь народно-национальных и классических художественных традиций, симфония «Сабантуй» воспринимается как одно из значительных и характерных явлений не только зрелого, сложившегося в своих основных гранях творческого стиля композитора, но и для открывшегося в последние годы нового этапа в развитии татарской симфонической музыки.

Неуклонно продвигаясь к «овладению обобщающими формами симфонического мышления», к созданию «развитой культуры симфонии», татарские композиторы формируют многогранный по своим проявлениям, но единый по истокам самобытный инструментальный стиль и, опираясь теперь уже не только на классические, но и на новые, сложившиеся в полувековом развитии национального музыкального творчества традиции, своими лучшими произведениями обогащают все многонациональное музыкальное искусство.

Творчеству Назиба Жиганова, теперь уже лауреата трех Государственных премий СССР, принадлежит, несомненно, одно из выдающихся мест в этом замечательном процессе духовного общения социалистических наций. Вот почему почетная награда, которой удостоена его симфония «Сабантуй», может по праву рассматриваться не только как высокая оценка личных творческих заслуг талантливого композитора, но и как признание огромных достижений всей татарской музыкальной культуры.

Я. ГИРШМАН.

Заслуженный деятель искусств ТАССР, кандидат искусствоведения.